

ОТ РЕДАКЦИИ

Любой сколько-нибудь известный город имеет три облика — во-первых, реальный; во-вторых, умозрительный, шаблонный, можно даже сказать, архетипический, складывающийся из описаний в книгах, из рассказов тех, кто там побывал, из фотографий и фильмов; в-третьих, личный для каждого человека, сначала возникший в воображении, а затем подкорректированный «с поправкой на действительность». И зачастую эти три облика резко отличаются друг от друга.

В особенности это верно для тех городов и местностей, которые являются «брендовыми» — достаточно просто упомянуть такой город или местность, чтобы в сознании возник некий образ, чаще опровергаемый, чем подтверждаемый визуальным рядом, и, как правило, не слишком хорошо соотносящийся с реальностью. И потому, оказавшись в «городе-бренде» или в «брендовой» местности, первое время не можешь отделаться от раздвоенности восприятия: с одной стороны, ты все здесь вроде бы знаешь, обо всем читал и все видел на картинках; с другой же город или местность приходится открывать для себя заново, поскольку личная встреча нередко разрушает отложившиеся в памяти штампы.

Для меня Рим начался с «периферийного центра», где находилась гостиница и где сошлись воедино древность, старина и современность — термы Диоклетиана, псевдоклассическое здание министерства обороны и вокзал Термини. В дальнейшем эта тройственность проявляла себя многократно, ибо она — характернейшая из черт Рима: тут повсюду античность словно перетекает в Средние века и растворяется вместе с последними в современности. Мост через Тибр от замка Святого Ангела, украшенный знаменитыми скульптурами Бернини, выводит переулками к типич-

но средневековой городской площади на виа Дель Корсо, а там — бутики ведущих торговых марок, вездесущий «Макдональдс» и магазин римского футбольного клуба «Рома»; пройдя квартал невзрачных пятиэтажек, приютившийся на Капитолийском холме, внезапно оказываешься на смотровой площадке над римским Форумом, поодаль маячит Колизей, а на самом Форуме благодаря туристам многолюдно, как во времена Республики; туристы толпятся и на площади перед собором Святого Петра (швейцарские гвардейцы замерли у ворот слева от входа в храм), фотографируя купол, колоннаду и окна папских апартаментов в соседнем здании, магазины близ площади торгуют золотыми и серебряными нательными крестиками, распятиями и образами Мадонны, освященными в Ватикане, а чтобы попасть в сам Ватикан, нужно отстоять очередь длиною в добрых полтора километра...

Определение «Вечный город» подходит Риму как нельзя лучше. Этот город действительно вечен: несмотря на свой более чем почтенный возраст, он — не только и не столько памятник минувшим эпохам, сколько живой город, удивительно органично объединяющий прошлое с настоящим. Показательный пример — улица Деи Фори Имперали: она начинается от Колизея, слева от нее — римский Форум, справа — жилые дома и форум Траяна, а упирается она в площадь Венеции с одноименным дворцом и «пишущей машинкой» (так сами римляне прозвали чрезвычайно помпезный монумент Виктора Эммануила Второго в честь объединения Италии), традиционное место встреч и свиданий. Другой пример — площадь Испании с ее знаменитой лестницей, на которую раз в год поднимается папа римский, чтобы поклониться колонне Непорочного зачатия, и которая во все остальные дни заполнена людьми, местными и приезжими, приходящими сюда окунуться в атмосферу живого города и полюбоваться на фонтан «Баркачча»...

Если Париж стоит мессы, по ставшему крылатым выражению Генриха Четвертого, то Рим, безусловно, стоит того, чтобы снова и снова поверять встречами с ним умозрительные образы, запечатленные в сознании.

Добро пожаловать в Рим!

Кирилл Королев

Предисловие

Первое знакомство с Римом состоялось у меня благодаря книге почтенного Огастеса Хэйра «Прогулки по Риму». Два тома викторианской учености иллюстрируют форсированные марши неустоимого автора. От насыщенности материала и темпа изложения у меня началось головокружение. Тем не менее я загорелась желанием воочию повидать античные сокровища Рима. Еще в юности увидев фильмы Феллини, я принялась с жаром и всерьез изучать Вечный город и посвятила этому несколько месяцев.

С тех пор я прочла сотни книг о Риме, самые разные: чисто научные изыскания, культурологические описания и обыкновенные путеводители. Редко объединяются все три категории. Однако такое произошло. Генри Джеймс сделал это блестяще, открыв дверь для идущих следом за ним. Он сказал: «...на мой взгляд, только тот писатель состоялся, кто влюблен в то, о чем пишет».

Работа Джонатана Бордмена отличается от исследований других авторов тем, что она охватывает множество областей. Книга опирается на научные изыскания, однако мо-

жет служить и путеводителем для туристов; в ней представлены и политика, и история общества, но при этом все перечисленные аспекты гармонично сливаются в единое целое. Поскольку автор влюблен в свой предмет, он заглядывает в самую суть. Любовь здесь подлинная, не слепая: тот, кто любит по-настоящему, не разлюбит за морщины, хотя и прекрасно их видит.

Если и есть город, возведенный с расчетом поразить человека в самое сердце, это именно Рим. Более двух тысяч лет он играет с чувствами людей. Эдуард Гиббон писал: «По характеру я не слишком склонен к бурному проявлению чувств, и если их не испытываю, то и не изображаю. Однако прошло двадцать пять лет, а я не забыл потрясения от первого посещения Вечного города».

И английский историк Маколей «не представлял, что в этом мире можно испытать сколь мощное, столь и приятное волнение». Для Ибсена Рим был «прекрасным и магическим». Гете, впервые увидев город, заявил: «все мечты моей юности обрели жизнь». Рим, однако, не всякому посетителю пришелся по вкусу; леди Морган поразил другой факт — «органы чувств повсеместно оскорблены; тротуары забрызганы кровью и замусорены, валяются свиные внутренности, свалена в кучу тухлая рыба...» Гарри Кросби в 1920 году посвятил городу в своем дневнике всего одиннадцать строчек: «Рим. Был в соборе Святого Петра (уродлив, мрачный интерьер, никакой загадочности и женщина-карлик в черном одеянии)», а закончил так: «...ходили к фонтану Треви. Бросили в него мелкую золотую монету. Впрочем, не знаю, захочу ли я когда-нибудь еще раз приехать в Рим».

Несмотря на все великолепие, попадающиеся порой следы запустения и, возможно, самое большое количество музеев в мире, Рим — живой город, который проявляет почти

вызывающее безразличие к своим гостям. Эту книгу очень уместно назвать «спутником», поскольку она и в самом деле хороший спутник любому путешественнику — историку или просто любителю Италии, предпочитающему не вставать с удобного кресла, а также она неоценима для туриста, приехавшего в Рим. Город одновременно и разбирают на составляющие, и заключают в объятия, за ним наблюдают и подвергают дотошному анализу, а эрудиция автора, талант исследователя и любознательность добавляют не только новый голос к уже существующему и очень значительному хору, но часто и новый взгляд, особенно в отношении современного Рима. Этот взгляд не пропускает ни мейнстрим, ни отход от традиций, ни забытый фольклор.

В отличие от достопочтенного Огастеса Хэйра, чьей высокоученой книге «Прогулки по Риму» мешает отсутствие юмора и явное неприятие католицизма, Джонатан Бордмен, викарий англиканской церкви в Риме, — человек широких взглядов, к тому же остроумный. Его церковь на виа дель Бабуино издавна служила гостеприимной гаванью для всех англиканских пилигримов. Привилегированное положение обеспечивает Бордмену доступ и в коридоры власти. Собранными перлами автор щедро делится с читателем.

Доктор Сэмюел Джонсон говорил, что «человек, никогда не бывавший в Италии, всегда испытывает комплекс неполноценности», но сразу же напрашивается и обратное замечание — человек, побывавший в Италии, ощущает собственное превосходство. И многие попадают в ловушку, думая, что знают все об этих местах. Читая книгу Бордмена, я узнала о Риме так много нового, что чувствую себя в долгу перед ее автором.

Лиза Сент-Обен де Теран

От автора

Хочу выразить благодарность всем тем, кто помог мне в работе над книгой. Слова эти просты и лаконичны.

Прежде всего, это Майкл Дуайер, предложивший мне взяться за написание книги, и Джеймс Фергюсон, поверивший, что я смогу это осуществить. Они позволили мне реализовать мечту. Надеюсь, что результат не навеет на читателя дремоту. Я благодарен епископу Вулиджа, архидьякону Льюишема и приходскому совету церкви Иоанна Крестителя в Саутенде за то, что они согласились предоставить мне отпуск для работы. Я в большом долгу перед своими коллегами прихода в Кэтфорде (Саутенд) и Даунхеме, и в еще большем перед теми, что в церковном округе Восточного Льюишема, поскольку они исполняли мои обязанности во время моего отсутствия. Особая благодарность Питеру Аллену, Полу Батлеру, Гранту Хомсу, Наоми Уиттл и Сьюзан Вулли.

Профессор Генрих Пфайфер из Григорианского университета в Риме заставил меня задуматься о христиан-

ском искусстве города, а профессор Сальваторе Валастро консультировал относительно современного Рима. Эрина Руссо де Каро и Анна Ризи ввели меня в римское общество, благодаря этим дамам я познакомился с художественной и интеллектуальной жизнью города. Администрация и коллеги-студенты из Английского колледжа, в частности отец Пэт Килгарифф и отец Джон Маклафлин, очень помогли мне узнать Рим. Я также благодарен профессору Майклу Дьюару из университета Торонто. Англиканская церковь Всех Святых оказала неоценимую помощь на последней стадии работы над книгой, особая благодарность Полу и Никола Кэннок («Спасибо, Рим»), Оливер Уордман («Вперед, “Лацио”») и Ингрид Хэммонд. Выражаю огромную благодарность своим родителям Ивонне и Лесу Бордменам и доктору Клайву Марсленду — они постоянно ободряли меня и оказывали практическую помощь. В последнюю очередь, но не в меньшей степени, благодарю Руби Ду. Пусть Руби всегда знает: то, что она сделала для меня, бесценно.

Джонатан Томас Бордмен

Ла Верна, Умбрия.
Июль 2000 г.

Вступление

Столица мира

Я приступил к работе над книгой и невольно вспомнил одного из персонажей шоу Монти Пайтона. Персонаж второстепенный, но очень милый — Энн Элк, мисс Энн Элк. Может, помните ее теорию о динозаврах — «собственную» теорию, которую она рассказывала, смущенно покашливая? Динозавры — узкие с одного конца, толстые посередине и снова тонкие с другого конца. Когда я читаю об итальянских городах (кроме Рима), на ум приходит теория о *caput mundi* — главе мира. Рим толст со всех сторон. Не могу сказать, что это моя собственная теория. Я позаимствовал ее из многих источников и посвящаю самому авторитетному литератору — Генри Джеймсу. Он часто включает в свои книги римскую интерлюдия и вместе со своими героями считает этот город неисчерпаемым. Он допускает, что у Лондона имеется «густой колорит большого и богатого города», но Риму присуща особая психологичность, с глубиной которой ничто не сравнится. Ни один город на Земле не пережил столько, познав траге-

дию и комедию — все, что предлагает жизнь. Это и пробуждает во мне желание писать о Риме и приезжать туда снова и снова.

Я пишу эти строки, а самолет заходит на посадку в Чампино, меньшем из двух действующих римских аэропортов (в Перудже поговаривают, что запланировано строительство третьего аэровокзала). Мы летим над чудом античного мира, над городом, впервые собравшим миллион жителей 2000 лет назад. Ныне он трансформировался (порой претерпев немало мук) в европейскую столицу XXI века.

Сорок лет назад Г. В. Мортон создал бесподобный портрет города. Он восхищался чудом воздушного путешествия, бывшего в шестидесятых годах еще «новинкой». Мортон сравнивал этот способ передвижения с тяжким странствием пилигримов, завоевателей и туристов прошедших времен. В 1950-е годы профессор Кристофер Кининмонт счел нужным описать, как выглядит кресло самолета («классическое кресло дантиста») для аудитории, жаждущей узнать все о Риме. Сегодня, когда во время полета через грозовые облака у меня закладывает уши, я могу опустить описания столь знакомых многим деталей, но тем не менее величественная панорама, разворачивающаяся перед глазами, волнует все так же.

Увидеть Рим целиком — об этом всегда мечтали, но мечта ускользала, как чаша Грааля. Представленный на плане фрагмент великого города (*forma urbis*) — некогда стоявший на Форуме храм Мира — демонстрирует гордость людей тем, что они осуществили. Уильям Тернер попытался поймать этот фантастический период, создав реконструкцию городского пейзажа. Его панорама воплощает взгляд из окон рафаэлевских лоджий Ватикана, она до-

вольно анахронично включает в себя не только храм Мира, но и колоннаду Бернини, и площадь Святого Петра. Мне очень нравится литературная попытка Д. М. Тревельяна создать панораму Рима. Он сделал это во вступлении к своей книге «Защита Гарибальди и Римской республики». Портрет скорее художественный, чем исторический, в нем есть эпическая нотка:

Вот оно, под нами, сердце Европы — живая хроника движения к цивилизации. Глядя вниз, мы ощущаем присутствие всех столетий европейской истории, несколько мертвых цивилизаций, выставленных для торжественного прощания — одна подле другой; и посреди этих вековых памятников все еще толпится и трудится человечество. Несмотря на свой странный и трудный опыт, оно намерено жить — из древнего прошлого оно деловито тклет отдаленное будущее.

Огастес Хэйр, *inglese italianato*¹, достойный сын XIX века, был очень далек от традиционного представления о воплощении дьявола (*diavolo incarnate*), каковым считали всех англичан, проживавших в Италии. Хэйр пытался «показать» город во всех подробностях, однако без красноречивой риторики, из года в год совершая пешие прогулки по улицам Вечного города. Хотя такой способ увидеть Рим горячо одобряли впечатлительные дамы из благовоспитанного эмигрантского общества, в XVIII веке использовался и другой, не менее действенный подход: английский «милорд» нанимал открытый экипаж, который возил его без остановки по улицам. За день можно было осмотреть весь город.

¹ Итальянский англичанин (*ит.*).

Однажды я сопровождал приятельницу на Латеран, где расположены два из четырех самых больших римских собора — Санта-Мария Маджоре и Святого Иоанна. Я беспокоился, так как из дома мы вышли только в 11 часов, а потому могли не успеть на поздний ленч, тем паче что тот район я знал плохо. К моей радости мы вернулись домой к напиткам, до 12:45, то есть до ленча. Моя приятельница считала, что, посещая церковь, достаточно пройти по ней бодрым шагом, избрав кратчайший маршрут. Через день она так же успешно провела меня по галереям Ватикана, сосредоточив свое внимание на роскоши внутреннего убранства. Понятная концепция, если свой визит вы рассматриваете как возможность прогулки на разумное расстояние.

Увидеть что-то из всего или — все и ничего? Рим готов предоставить обе возможности. Вероятно, именно потому люди, приезжающие в Рим, планируют навестить его еще раз. Отсюда произошел и суеверный обычай посещать фонтан Треви в последний день пребывания в городе. Люди бросают в него монету в надежде на возвращение. Должно быть, это самое дешевое страхование жизни, поскольку оно не только магически обеспечивает возможность вернуться, разворачивая все дороги в сторону Рима, но и гарантирует долголетие. Если вы не из этого города, то возвращение в Рим будет продолжаться всю жизнь.

Перо, вилка и кинематографические портреты

Доктор Арнольд из знаменитого колледжа Регби¹ понимал серьезность, с которой турист возвращается в Веч-

¹ Профессор Томас Арнольд в течение 14 лет был директором колледжа Регби; он является автором известнейшей трехтомной «Истории Рима». — *Здесь и далее примеч. перев.*

ный город. В 1840 году он написал жене: «Снова это свидание с Римом, самым величавым и интересным и даже еще более интересным городом, чем я видел его в прошлый раз». Стремясь избежать непосильной задачи увидеть и описать город целиком, многие попытались выразить «вкус» Рима, сознавая, как трудно передать ощущения *in toto*¹. В эксцентричной книге «Заметки. Из Лондона до Сицилии на “форде”» Дункан Фоллоуэлл, нарочито выпуская Рим из своего маршрута, в нескольких мудрых словах все же метко его характеризует:

И мы не едем в Рим. Я люблю Рим, да и как его не любить? Он слаще Парижа, свободнее Лондона, безопаснее Нью-Йорка, забавнее Мадрида, счастливее Берлина, чище Стамбула, человечнее Токио.

Но какой «вкус» самый лучший? Литературный, музыкальный, художественный? Быть может, нам следует придерживаться метафоры и смотреть на город с гастрономической точки зрения? Мне нравится еда в Риме, но не все туристы со мной согласятся. Тот же Фоллоуэлл: «Но это же диета! Все бары и рестораны одинаковы, потому что только итальянцы любят итальянскую еду». Возможно, он в чем-то прав, но делает ошибку в сторону занижения. Все итальянцы хотят есть родную еду. Поэтому лучшие римские рестораны являются продолжением семейного стола.

В череде фильмов о Риме кинематографисты попытались поймать *tinta*², определяющий «цвет» места. О Риме нам рассказывают фильмы Феллини — «Сатирикон»,

¹ Целиком (лат.).

² Колорит (ит.).

«Рим», «Сладкая жизнь», голливудская «Клеопатра», а также удивительная серия библейских сюжетов. Фильм «Похитители велосипедов» более честный и трогательный, чем фильм Росселлини «Рим — открытый город». Мы видим пестрый мир, где люди готовы к любви и войне.

Рим стоит на границе Северной и Южной Италии, а потому неизбежно подвергается критике как со стороны Севера, так и Юга. Джузеппе Торнаторе показывает в своих фильмах Рим с современной сицилийской позиции. У него это место, где открытый дух южанина (*meridionale*) ломается или извращается. Романтизирующий Юг Висконти предпочитает виртуально игнорировать Рим и остается аутсайдером, туристом-космополитом с Севера, типичным миланцем (*milanese*).

В довольно странном и многословном описании Рима Кристофером Кининмонтом есть точные моменты, и вот один из них:

Рим — противоречивое место. Здесь настоящий южанин чувствует себя недокормленным. Диета средиземноморского южанина состоит из солнца и пищи, рождающейся из солнечного света, в то время как римляне довольствуются нежарким весенним солнцем. Но если неаполитанцы, сицилийцы и жители Калабрии чувствуют себя в Риме, как на холодном Севере, то итальянцам из северных районов, даже из Тосканы, кажется, что они оказались на примитивном, животном, медлительном и распутном Юге. Кто-нибудь подумает, что Рим представляет собой синтез всей Италии, однако вернее будет сказать, что это не совсем итальянский город.

К вышеприведенному высказыванию журналист Луиджи Бардзини добавляет биографический штрих. Он гово-

рит, что, «возможно, только иностранец сумеет стать настоящим итальянцем». Бардзини имеет в виду публициста Курцио Малаперте, немца с итальянским именем и вкусом к реакционной итальянской политике. То же самое можно сказать о тех, кто в Италии, и в частности в Риме, обретает дом, который на родине почему-то обрести не удалось.

В попытке емкого определения римского духа то и дело натыкаешься на непостижимые крайности и в результате удаляешься от искомого «целого». Позвольте для примера указать на некоторые противоречия, из которых складывается город. Это живучие, выкристаллизовавшиеся за двадцать столетий классовые различия между плебеями и патрициями; постоянное противопоставление старого новому; спор язычника с христианином; клерикализм с укоренившимся в нем антиклерикализмом. И, наконец, горячая поддержка футбола (*calcio*) с выбором между «Ромой» и «Лацио» (хотя 10 апреля 1999 года о выборе не было речи: тогда «Лацио» вернулся домой после серии из шести побед. В следующий вторник в моем любимом ресторане главным чувством было сострадание. Антонио дель Орто, младший владелец этого заведения и фанат «Ромы», подавая диджестивы, утешал себя тем, что посетители скоро забудут об этом прискорбном событии. Новый сезон для «Ромы» оказался счастливее).

Так что перед всеми действительно встает выбор: какой Рим вы хотите увидеть? «Давайте не будем обращать внимание на развалины», — произнес один мой приятель-литератор после очень короткого посещения города. Его вкус тогда — да, судя по статьям, и сейчас — склонялся к барокко. Что ж, это — удобоваримое блюдо римского меню, поэтому я не без удовольствия присоединился к его «трапезе». Однако на протяжении столетий программа

знакомства с городом выстраивалась в соответствии со вкусами других людей. Римская церковь определяла, какие святилища, какие святые и даже какие ворота излучают большую благодать. Примером подобного диктата в постмодернистском веке явилось специальное решение папы об открытии святых врат главных базилик по случаю наступления нового тысячелетия — *il Gran Giubileo*.

Путеводители как таковые не получили распространения до середины XVIII века, но отчеты о посещениях Рима влиятельными персонами всегда имелись в изобилии. Латинские писатели — от Горация до Ювенала — высмеивали столицу. Педантичный Плиний в письмах, отредактированных для публикации, ясно дает понять, что именно он, образец бюрократа II века, считает приличным поведением во время нахождения в городе. Сонеты Джузеппе Белли, написанные на транстевринском наречии, и рассказы уроженцев города, таких как Альберто Моравиа, раскрывают «настоящий» Рим, и это придает «блюду» дополнительный вкус.

Римские каникулы

Но для большинства из нас, иностранцев (*stranieri*), доступнее всего тот Рим, что создали посещавшие город литераторы. Шелли, Гете, Байрон его романтизировали. Генри Джеймс и Оскар Уайльд посвятили ему свои произведения. Марк Твен, Коллинз и даже Диккенс развенчали и высмеяли. Китс умер здесь, как известно. Ужасно, что его жизнь в Риме прошла в съемной маленькой комнате, из которой он дважды вырывался в изнурительные поездки верхом на осле на холм Пинчо. В записях книги посетителей дома-музея Китса и Шелли на площади Испании час-

то приводятся неточные цитаты из наиболее тоскливых стихов поэта-кокни, впрочем, я встретил здесь и более оптимистическую запись, сделанную твердой рукой: «Какими же глупыми были эти молодые люди!».

Глупых молодых женщин в Риме, похоже, было поменьше, как местных, так и заезжих. Но если они и были глупыми, то в отваге и популярности им не откажешь. Когда Изабелла Арчер, героиня книги Генри Джеймса «Женский портрет», попадает в ловушку жалкого замужества, то некоторое утешение она находит в римской среде:

Она давно сделала старый Рим поверенным своих тайн, ибо в этом мире развалин ее собственное развалившееся счастье казалось не такой уж чудовищной катастрофой...

Она глубоко и нежно привязалась к Риму; он пропитал, он умерил ее страсти. Но постепенно он стал для нее главным местом, где люди страдали¹.

«Толстая деталь» Рима забрызгана кровью и слезами, она диспропорционально женская, к тому же умыта водой тысяч фонтанов. Английская литература предпочитает, чтобы ее римские героини были печальны и несчастны в замужестве: Джордж Элиот позволяет своей героине Доротее Кейсобон только единожды вырваться из заточения Миддлмарча в Вечный город, да и то символически.

Исключительно тонкий человек, Элизабет Бауэн, ирландская романистка, написала о нелепости постоянных поисков «целого» Рима, о том, как скучно стараться различить семь холмов, на которых, как говорят, построен город.

¹ Перевод Л. Е. Поляковой.

Капитолий и Палатин, без сомнения, холмы, Авентин — тоже. Но Целий, Эсквилин, Виминал и Квиринал плавно соединены друг с другом переплетением каменных гряд. Я готова предположить, что их семь, но если это так, то что же тогда Пинчо, «холм садов», и Яникул, бастион на противоположном берегу реки? Я опросила нескольких друзей, но не получила двух одинаковых ответов: некоторые отмахивались, другие выдвигали собственные версии. Друзьям не понравилось мое намерение составить инвентарный список и точно определить местоположение каждого холма. Они полагали, что я обладаю более утонченным вкусом.

Нет, она права: «целый Рим» — тот, который вы находите сами и делаете своим, пытаться присвоить что-то другое бесполезно. Большая часть текста — наблюдения, пустяки и анекдоты, моя попытка поделиться тем немногим, что я сохранил в собственных неистощимых поисках.

В канун дня Всех Святых, в 1989 году, мне удалили зуб мудрости. Сделал это римский врач, бельгиец по национальности, добрый доктор Декастекер. Его кабинет находился в ренессансном дворце на корсо Витторио Эммануэле. Здание оказалось воплощением итальянского шика. На потолках XVIII века плавали в облаках путти¹, освещенные нежными и остроумно спрятанными светильниками. Модные пациенты (я, разумеется, был исключением) ждали в галерее, обставленной с большим вкусом, сюда выходили двери крошечных кабинетов. Постоянно звучала тихая музыка, исполняемая на клавесине, что

¹ Дополняющие и украшающие композицию картины изображения эротов (амуров), гениев или ангелов в виде обнаженных (часто крылатых) мальчиков.

придавало обстановке слегка несообразный, но приятный, немного декадентский дух. На роскошных стенах висели обрамленные фотографии врача в момент его представления папе Иоанну Павлу II. На всех снимках врач демонстрирует ослепительно белые зубы. Это обнадеживает пациентов и добавляет респектабельности обстановке. Даже в откинutom кресле я видел в окне крест на фронтоне церкви Кьеза Нуова. Она расположена на противоположной стороне улицы. Затем последовали самые болезненные пятьдесят минут моей жизни. Как бы стоматология ни выглядела, но даже в прекрасном Риме она жестока, а ее

инструменты вполне годятся для садистов. Я поплелся домой по темнеющим осенним улицам. Казалось, меня огрели по лицу кузнечным молотом. Религия, музыка, блеск старого и нового, искусство, архитектура и прикосновение чего-то иноземного, отдающего готикой и вполне телесным страданием, — все смешалось воедино. К тому же я лишился зуба.